

УДК 94 (47)

АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛАЕВИЧ ЭВЕРТ – ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

© К.А. Залесский

Статья рассматривает жизненный путь участника трех войн и одного из крупнейших военачальников 1914–1917 гг. Алексея Ермолаевича Эверта. В хронологической последовательности изложены основные вехи его офицерской, а затем и генеральской карьеры. Показано как формировались тактические и стратегические взгляды, как складывался полководческий стиль.

Ключевые слова: биография, офицер, генерал, Первая мировая война, военачальник, военное строительство, боевые действия, армия, фронт, стратегические операции.

ALEKSEI ERMOLOVICH EVERT – FORGOTTEN GENERAL OF THE FORGOTTEN WAR

© К.А. Zalessky

The paper describes life path of Aleksei Ermolovich Evert as a veteran of three wars and one of the greatest military officials in 1914-1917. Author outlines in chronological manner the main events of Evert's military career as well as the development of his tactical and strategic principles and commander style.

Key words: biography, army officer, general, World War I, commander, military development, warfare, army, front, strategic operations.

Генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт относится к той плеяде военачальников Первой мировой войны, кто не то чтобы полностью неизвестен – все-таки положение главнокомандующего армиями фронта обязывает, – но, в лучшем случае, отнесен к «ничего из себя не представляющим». Этим Эверт изначально попадает в ту категорию генералов Великой войны, которых положено знать лишь специалистам. Причем изначально заложен постулат в полной бездарности генерала, которому еще и «посчастливилось» иметь «немецкую фамилию». Советский официоз – Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), хотя и поместил краткую биографическую справку Эверта, тем не менее, одной фразой подвел однозначный и не подлежащий обсуждению итог довольно долгой карьере генерала: «Отсутствие у Э[верта] таланта военачальника и его крайняя нерешительность особенно выявились во время наступления фронта летом 1916 на виленском направ-

лении и в районе Барановичей» [2]. При том же, что единственный военачальник Первой мировой, которому советская историография в определенные периоды своего существования позволяла именоваться полководцем – генерал Алексей Алексеевич Брусилов – крайне не жаловал Эверта, посмертная судьба последнего была предрешена. Назвав действия Эверта «преступными» и объявив, что «за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен» [3, с. 232, 235], Брусилов вполне сознательно подписывал Эверту приговор: придать забвению.

Однако надо признать, что генерал Эверт был крупным, ярким и, главное, достойным представителем русского генералитета, выделявшимся на общем фоне. Стоит скорее согласиться не с Брусиловым и БСЭ, а с автором, наверное, единственной пока обширной и серьезной статьи об М.В. Эверте – Оськиным в том, что генерал

Рис. 1. А.Е. Эверт

«не отличался выдающимися победами, но и не терпел крупных поражений. Он был упорен и гибок в обороне, но весьма нерешителен в наступлении» [25, с. 30]. «В генерале Эверте, как ни в ком другом из русских полководцев, наблюдается раздвоение наполеоновской формулы квадрата ума и воли. Ум Эверта вряд ли можно оценить ниже ума других русских полководцев» [25, с. 50].

Начало военной карьеры

Алексей Ермолаевич Эверт родился 20 февраля¹ 1857 г. в Верейском уезде Московской губернии в семье офицера и потомственного дворянина Ермолая Ивановича Эверта. Хотя точное место рождения его не указывается, можно с определенной долей вероятности предполагать, что он появился на свет в селе Смолинское одноименной волости. Именно через 12 лет (14 апреля 1869 г.) там скончался его отец [32, с. 980]. Фамилия Эвертов (Ewerth) имеет немецкое происхождение, она и в наши дни встречается в Германии, однако каких-либо точных сведений об истории предков Алексея Ермолаевича нет, по крайней мере,

можно утверждать, что к родовому дворянству они отношения не имеют. Это был давно обрусевший (и, естественно, принявший православие) служилый дворянский род. Семья земельной собственности и какого-либо другого серьезного движимого и недвижимого имущества не имела, а жила преимущественно на жалование. Таким образом, дальнейшая судьба Алексея была предreshена – ему была уготована военная карьера. Тем более, военным стал и его брат Аполлон, который был старше Алексея на 12 лет – он родился 25 февраля 1845 г.²

Будущий генерал учился в размещавшейся в Лефортово 1-й Московской военной гимназии³, а по ее окончании 30 августа 1874 г. был зачислен в 3-е Александровское военное училище в Москве и с этого момента уже официально считался состоящим на военной службе. Во время учебы Эверт проявил выдающиеся способности, а также явные задатки командира, в связи с чем к моменту окончания училища занимал на своем курсе должность фельдфебеля⁴. Он блестяще сдал выпускные эк-

² Аполлон Ермолаевич Эверт окончил 1-ю Московскую гимназию и Московское пехотное юнкерское училище, начав службу в офицерских чинах в 1867 г. подпоручиком. После 2,5 лет командования 42-м пехотным Якутским полком он 30 марта 1898 г. был произведен в генерал-майоры и назначен начальником 1-й Закаспийской стрелковой бригады. С 23 июня 1900 г. он состоял начальником 6-й Туркестанской, с 24 октября 1902 г. – 1-й Финляндской стрелковых бригад, а 10 августа 1904 г. назначен командующим 42-й пехотной дивизией (6 декабря 1904 г. с присвоением звания генерал-лейтенанта он был утвержден в должности начальника дивизии). Последним местом его службы стал пост начальника 13-й пехотной дивизии, который он занял 8 февраля 1906 г. (См.: Список генерала по старшинству: Составлен по 1 июля 1906. СПб.: Военная типография, 1906. С. 413). 4 мая 1907 г. генерал-лейтенант Аполлон Эверт был уволен от службы с мундиром и пенсией, а 13 августа 1911 г. скончался. Двое его сыновей – Николай и Георгий – были полковниками.

³ Практически во всех биографиях Эверта указывается, что он окончил 1-й Московский кадетский корпус, что неверно: корпус в 1864 по 1882 гг. именовался 1-й Московской военной гимназией.

⁴ Всего на курсе, кроме Эверта, состояло трое фельдфебелей – Николай Козловский, Михаил Зощенко 1-й и Николай Комаров 2-й (будущий генерал от инфантерии).

¹ Все даты в статье до 1917 г. включительно приводятся по старому стилю. В картах – новый стиль.

Рис. 2. Александровское военное училище

Рис. 3. Казармы лейб-гвардии Волынского полка в Варшаве

замены первым на всем курсе из 136 человек, был, естественно, причислен к 1-му разряду окончивших (таковых на курсе был 41 человек), а его имя занесено на мраморные доски училища⁵. Как первый на курсе Эверт мог выбирать место службы, и он остановился на дислоцированном в Варшаве лейб-гвардии Волынском полку. Таким образом, 10 августа 1876 г. он был выпущен подпоручиком по армейской пехоте с прикомандированием к этой воинской части, после чего, в соответствии с существующей традицией, через год, 17 августа 1877 г., он был официально переведен в гвардию с переименованием в прапорщики, а уже 30 августа произведен в подпоручики гвардии.

7 августа 1877 г. лейб-гвардии Волынский полк в составе Российской гвардии выступил на фронт – шла Русско-турецкая война. Месяц заняла переброска на театр военных действий. 6 сентября полк перешел Дунай и двинулся к Плевне: ему предстояло произвести демонстрацию и отвлечь силы противника, наседавшие на Горный Дубняк. 12 октября полк принял свой первый в ту войну бой, взяв деревню Трнина, однако Эверт в этом бою участия не принимал как и в последующие месяцы во время осады Плевны и переходе в составе отряда генерала И.В. Гурко через Балканы (13–18 ноября 1877 г.). Наиболее тяжелым для лейб-гвардии Волынского полка стал бой при Ташкисене, состоявшийся 19 декабря. В нем, наконец, принял участие подпоручик Эверт. В этот день полк, пробившись сквозь глубокий снег, под шквальным огнем противника занял Директивную гору, фактически решив исход сражения; потери были большими, в т. ч. ранение в шею получил и командир полка генерал-майор М.Ф. Миркович. Эверт показал себя в этом бою храбрым офицером, и его заслуги были отмечены первой боевой наградой – Аннинским оружием (т. е. орденом Св. Анны 4-й степени, носившимся на эфесе холодного оружия, украшенного также надписью «За храбрость»), которое он получил в 1878 г.

⁵ Кроме него, на доски были занесены имена окончивших 2-м и 3-м – Николая Козловского и Иосифа Липпомана.

Рис. 4. И.В. Гурко

Затем Эверт принял участие в боях под Филиппополем (3–5 января 1878 г.) и закончил кампанию уже в Турции. В следующем, 1879 году, его успехи во время войны были отмечены еще одной наградой – орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала для Алексея Эверта школой жизни, во время которой он, собственно, и сложился как боевой офицер. В результате он, как и абсолютное большинство высших командиров русской армии, во время Первой мировой войны оказался человеком, воспитанным в военных традициях эпохи, к 10-м гг. XX в. уже окончательно ушедшей в прошлое. Во многом именно поэтому командный состав русской армии, как, впрочем, и других армий ведущих мировых держав, оказался не готов к «войне нового типа», какими оказались Первая мировая, и, в какой-то степени, Русско-японская войны. Через 35 лет Эверт, как и другие старшие русские генералы, будет изо всех сил стараться приспособиться к новой для него войне: в чем-то удачно, в чем-то нет, но

груз традиций той далекой войны на Балканах будет всегда довлеть над русскими генералами, и они так никогда и не смогут полностью отказаться от опыта, приобретенного ими в младших офицерских чинах [13].

Мирные годы

По возвращении в Варшаву Эвэрт, как хорошо зарекомендовавший себя на службе и на поле боя офицер, постоянно занимающийся самообразованием, а также удовлетворявший теперь необходимому цензу (не менее 4 лет службы, в т. ч. два – в строю) получил разрешение сдавать экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба, готовившую генштабистов для русской армии. После успешной сдачи экзаменов Эвэрт в 1879 г. был зачислен на 1-й курс академии. Он показал себя прекрасным специалистом и прилежным учеником и в октябре 1881 г. успешно окончил 2-й курс по 1-му разряду, после чего был направлен на дополнительный полугодовой курс. Его он также окончил по 1-му разряду и в соответствии с положением был 4 апреля 1882 г. произведен в штабс-капитаны, а затем получил и звание капитана, причем со старшинством с 24 ноября 1882 г.

В целом выпуск Академии 1881 г., в котором был 51 человек, дал довольно большое количество крупных военных деятелей. Так, например, среди них были начальник Главного штаба Н.П. Михневич, командующие 1-й армией П.К. фон Ренненкампф и А.И. Литвинов, неудачливый комендант Новогеоргиевской крепости Н.П. Бобырь, командующий войсками Гвардии В.А. Олохов и др. И вновь надо отметить, что поскольку с момента окончания Русско-турецкой войны прошло еще слишком мало времени, ее опыт и являлся наиболее свежим, становясь основой для подготовки молодых генштабистов. При этом система подготовки офицеров Генштаба в Российской империи (как и в других странах в то время) предусматривала, что в Академии учились молодые офицеры в звании не старше капитана армии. А позже старшие офицеры, не говоря уже о генералах, какой-либо переподготовки не проходили и уже должны были оттачивать свое

Рис. 5. П.К. фон Ренненкампф

Рис. 6. А.И. Литвинов

мастерство «на службе». Таким образом, когда выпускники Академии через 25–30 лет службы добивались до высших командных постов, полученные ими знания уже сильно устаревали и фактически относились к прошедшей эпохе военного искусства.

С апреля 1882 г. началась служба Эверта в Генштабе: сначала он был назначен состоять при штабе Московского военного округа, а 24 ноября того же года получил должность старшего адъютанта 3-й пехотной дивизии Московского военного округа, штаб которой находился в Калуге. 28 марта 1886 г. он был переведен в штаб Варшавского военного округа – в русской армии стремились назначать офицеров в те округа, служба в которых была у них за плечами, и здесь явно сыграла свою роль служба Эверта в лейб-гвардии Волынском полку. Перевод в этот окружной штаб был важным шагом в карьере офицера Генштаба, поскольку округ считался пограничным и его штаб отвечал за планирование военных действий на случай войны с Германией.

Сначала Эверт был назначен на должность офицера для поручений, на которой 13 апреля 1886 г. получил очередное звание подполковника, а годом раньше – в 1885 г., был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 22 ноября 1886 г. Эверт стал старшим адъютантом, а 12 декабря 1888 г. – штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа. Одновременно, формально оставаясь на занимаемом посту, Эверт с 4 октября 1889 г. по 4 октября 1890 г. отбывал цензовое командование батальоном в дислоцированном в Варшаве 40-м пехотном Кольванском полку – по существующей в русской армии системе генштабист был обязан чередовать штабную службу со строевой, без чего было невозможно его дальнейшее повышение по службе. Подобная система, существовавшая также и в немецкой армии, была продумана и учитывала особенности службы Генштаба, однако на практике очень часто происходили серьезные сбои, в результате которых генштабист при очередном назначении пропускал тот или иной уровень командования. Например, Эверт никогда не командовал ротой (что обычно было необходимым условием для карьеры генштабиста), а позже пропустит еще и бригадно-дивизионный уровень.

В 1890 г. Эверт женился на Надежде (род. в 1869), дочери генерал-майора отдельного корпуса жандармов Игнатия Ми-

хайловича Познанского, начальника Нижегородского губернского жандармского управления. Надежда была известна как талантливая пианистка. В браке родилось шестеро детей: сыновья Игнатий, Борис, Владимир и дочери – Софья, Валентина, Вера.

Отбыв ценз командования батальоном, Эверт 30 августа 1891 г. был произведен в полковники, а 23 января 1893 г. принял начальство над штабом 10-й пехотной дивизии: дивизионный штаб располагался в Варшаве, как и штаб 2-й бригады, а штаб 1-й бригады находился в Лодзи⁶. Здесь Эверт прослужил шесть с половиной лет, после чего 6 октября 1899 г. вновь отправился в войска, на этот раз командиром располагавшегося в Киеве 130-го пехотного Херсонского Его Императорского Высочества (Е.И.В.) великого князя Андрея Владимировича полка.

Командование полком было также необходимым этапом для генштабистов, и, как правило, они здесь долго не задерживались – обычно «на ознакомление с руководством полком» отводился где-то год. Эверт руководил полком один год и два месяца, после чего 24 декабря 1900 г. был произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба 11-го армейского корпуса, размещавшегося в городе Ровно Волынской губернии (Киевский военный округ). 11 октября 1903 г. он был переведен в Варшаву на аналогичный пост в 5-й армейский корпус.

Мирные годы успешной службы Эверта были отмечены еще четырьмя орденами: Св. Станислава 2-й степени (1888 г.), Св. Анны 2-й степени (1895 г.), Св. Владимира 4-й (1899 г.) и Св. Владимира 3-й степеней (1903 г.).

Русско-японская война

В январе 1904 г. на Дальнем Востоке разразилась Русско-японская война. Нужда

⁶ В состав 1-й бригады дивизии входили 37-й пехотный Екатеринбургский Е.И.В. великого князя Алексея Александровича полк и 38-й Тобольский пехотный Е.И.В. великого князя Сергея Александровича полк; в составе 2-й бригады – 39-й пехотный Томский Е.И.В. Эрцгерцога Австрийского Людвиг-Виктора полк и 40-й пехотный Кольванский полк.

в офицерах Генштаба, которые должны были укомплектовать новые штабы на театре военных действий, и, прежде всего, штаб командующего Маньчжурской армией генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, возникла практически сразу же. Однако Эверт, хотя и пользовался репутацией талантливого генштабиста и знающего человека, временно остался не у дел. Пока ему оставалось наблюдать, как из его округа отдельные части отправляются на фронт. Алексей Ермолаевич подал прошение об отправке в действующую армию, однако для генштабиста его уровня вакансий пока не представилось. Наконец, в октябре 1904 г., когда окончательно стало ясно, что

Рис. 7. А.Н. Куропаткин

эта война потребует напряжения всех сил и переброски на Дальний Восток дополнительных войск, произошло кардинальное реформирование всей системы командования русской действующей армии. Прежде всего, адмирал Е.И. Алексеев (являвшийся одновременно Наместником Е.И.В. на Дальнем Востоке) был заменен на посту главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, на генерала А.Н. Куропаткина, а вместо одной Маньчжурской армии было сформировано три – 1-я, 2-я и 3-я. С одной стороны, возникла необходимость укомплектования новых армейских штабов, с другой – нового штаба главнокомандующего, поскольку Куропаткин не собирался пользоваться услугами старого «полевого штаба Наместника».

Хотя основу нового штаба главнокомандующего и составил личный состав штаба старой Маньчжурской армии, в нем все же освободилось несколько вакансий. Так, генерал-квартирмейстер В.И. Харкевич, получивший к этому времени звание генерал-лейтенанта, ушел на повышение, возглавив штаб 1-й Маньчжурской армии. Таким образом, 28 октября 1904 г. пост генерал-квартирмейстера нового штаба главнокомандующего занял срочно вытребованный из Польши генерал-майор Эверт, который стал заместителем начальника штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова⁷ и ближайшим помощником А.Н. Куропаткина, прежде всего, в области оперативного планирования. Служивший под началом Эверта на должности обер-офицера для делопроизводства и поручений его управления, в те годы капитан граф А.А. Игнатьев уделил начальнику несколько строк в своих мемуарах: *«Высокий стройный брюнет с тщательно подстриженной бородкой, в широких шароварах с красными лампасами, в мягких сапогах с большими шпорами. Он в церкви истово крестился, перед обедом выпивал рюмку водки и ни на минуту не*

⁷ Во время Первой мировой войны и Сахаров, и Куропаткин будут занимать посты, равные Эверту – главнокомандующих армиями фронта (Сахаров формально в ранге «заместителя Августейшего главнокомандующего»).

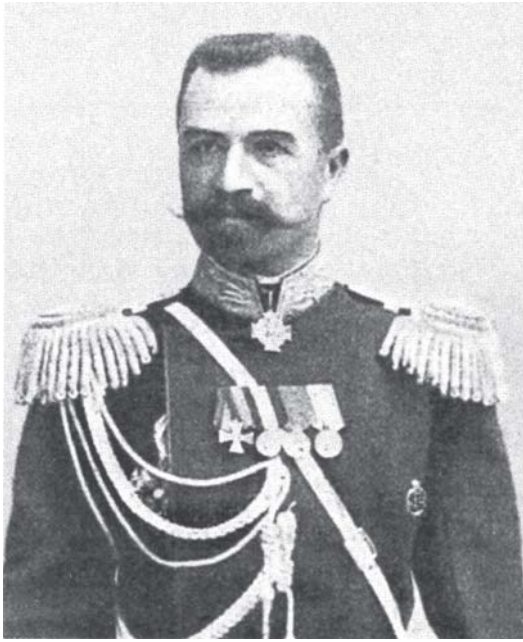

Рис. 8. В.В. Сахаров

терял подобающего генералу величия» [14, с. 218–219].

С одной стороны, служба во время Русско-японской войны позволила Эверту получить колоссальный и бесценный опыт руководства крупными воинскими соединениями во время «войны нового типа», что в будущем должно было обеспечить ему быструю адаптацию во время новой войны. И подобный опыт Эверт действительно получил, а позже с успехом его использовал. Однако эта его служба имела и другие последствия. К тому времени А.Н. Куропаткин считался одним из лучших, если не лучшим, и талантливейших военачальников русской армии – почему он и был назначен на Дальний Восток прямо с поста военного министра. Очевидец событий Русско-японской войны, будущий генерал М.А. Свечин так описывал А.Н. Куропаткина: «Высокообразованный, знающий военное дело, трудоспособный и храбрый... он имел большой боевой опыт... Не только вопросы оперативной части, но и все что касалось – продовольствия, снабжения огнестрельными припасами, одеждой, постройкой полевых укреплений, устройства госпиталей для раненых и прочее – составляли его постоянную заботу» [33, с. 71–72]. Эверт же, пройдя школу под началом А.Н. Куропаткина, стал его достойным учеником и последователем, как так-

тика и стратега. Со всеми положительными качествами и недостатками. Многие пытались понять, в чем «корень зла». Тот же М.А. Свечин писал о Куропаткине: «Ему нельзя отказать и в правильных оперативных распоряжениях, но полководцу необходима и «ВОЛЯ», для проведения своих оперативных планов в исполнение. В этом и состоял главный недостаток Куропаткина: – он принимал правильное решение своим «УМОМ», но не хватало силы воли (решимости), провести их в боях в исполнение. Лишь в полном сочетании и гармонии, двух необходимых качества – «УМА и ВОЛИ» – как учит нас военная история – зависит успех полководца. У Куропаткина первого было достаточно, а вторая отсутствовала. В этом и заключались все его неудачи» [33, с. 71–72]. Причем эти слова можно практически полностью отнести и к Эверту.

Однако вышеприведенное мнение правильно лишь частично: маловероятно, чтобы два служивших вместе крупных военачальника обладали одними и теми же врожденными недостатками. Скорее, здесь речь идет о появлении новой – «куропаткинской школы» в военном искусстве, которая стала попыткой приспособиться к кардинально изменившимся условиям войны начала нового XX в. В условиях войны с Японией «Куропаткин поставил себе целью, которую нельзя не признать правильной: лишь задерживать, не ввязываясь в упорные бои, дабы не рисковать своими частями, до прибытия подвозимых сил, пока мы не усилимся до перевеса в них» [33, с. 74]. Фактически действия А.Н. Куропаткина были сродни тактике выдающегося русского полководца М.И. Кутузова – изматывание противника и забота о сохранении армии в ожидании момента, когда враг потеряет саму возможность вести военные действия, а соотношение сил в нашу пользу будет абсолютным. Такова же была и цель А.Н. Куропаткина: категорически не идти ни на какие риски, поскольку подвоз подкреплений из Европейской России чрезвычайно затруднен, и копить силы, чтобы добиться полного превосходства над японцами. Учитывая, что экономика Японии просто физически не могла выдержать затяж-

ной войны и через год – полтора войны действительно оказалась на пороге полного коллапса. Ради этого генерал был готов отступить и выходить из сражений, ведь и Кутузов оставил Москву, а тут речь идет лишь о каких-то полях гаоляна. Главным принципом действий генералов «куропаткинской школы» стала крылатая фраза, приписываемая М.И. Кутузову, которую он, якобы, сказал на Военном совете в Филях: *«Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно доверить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия»* [35, с. 163]. Формально подобная стратегия не просто имела право на существование, а и увенчалась полным успехом. К середине 1905 г. русская армия добилась полного превосходства над противником, пополнения японской армии были полностью исчерпаны: численность русских войск в Маньчжурии составила 445 тыс. человек против 337,5 тыс. у японцев [17, с. 305]. На Японию надвигался финансовый кризис, и лишь внутривосточные проблемы в России заставили ее согласиться на мирные переговоры, начатые, кстати, по инициативе японской стороны. Сам А.Н. Куропаткин вполне разумно указывал: *«Вместе с истощением денежных средств, при упорном продолжении нами войны, мы скоро могли бы поставить Японию в необходимость искать почетного и выгодного для нас мира»* [16, с. 516].

Другой характерной особенностью этой школы стало вообще свойственное генштабистам чрезвычайно тщательное взвешивание всех обстоятельств до принятия решения, что приводило к затяжке времени и даже к нерешительности в действиях войск. При этом командующий всегда брал на себя главную ответственность за ход военных действий, в связи с чем считал необходимым лично вникать во все тонкости и нюансы, составляя для подчиненных множество ведомственных документов – инструкций, разборов, объяснений и т. д. Надо признать, что подобная склонность к мелочному регламентированию и, как следствие, сковывание инициативы подчиненных, негативно сказывалась на ходе во-

енных действий. Однако подобный недостаток не может привести к катастрофическим последствиям, а лишь затрудняет работу нижестоящих штабов.

В целом Эверт показал себя прекрасным штабистом, и во время войны полностью использовал представившуюся ему возможность приобрести ценный опыт, который позже с успехом использовал. Как пишет М.В. Оськин, *«...читая документы той эпохи, можно подумать, что Эверт являлся одним из лучших полководцев русской армии в 1914–1917 гг., столь подробны и толковы были его боевые наставления»* [25, с. 32].

О воинском профессионализме Эверта свидетельствует тот факт, что его деятельность была высоко оценена его начальником – генералом А.Н. Куропаткиным. Когда в марте 1905 г. в командовании на Дальнем Востоке была проведена рокировка, главнокомандующий (А.Н. Куропаткин) и командующий 1-й Маньчжурской армией (Н.П. Линевиц) поменялись местами, последний взял с собой и своего начальника штаба (В.И. Харкевича), а Эверт 24 марта занял освободившийся пост. Вскоре он был произведен в генерал-лейтенанты, причем старшинство ему исчислялось именно с последней даты. К этому моменту военные действия на суше начали постепенно затихать и принимать позиционный характер, каких-либо крупных столкновений уже не происходило.

Заслуги Эверта на штабной работе во время Русско-японской войны были высоко оценены командованием, и по результатам войны, он был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» (Высочайший приказ от 18 июня 1906 г.), а также орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами (Высочайший приказ от 28 февраля 1906 г.).

Перед войной

После окончания войны Эверт продолжал числиться на посту начальника штаба 1-й Маньчжурской армии. Пока ему подыскивали новое место службы, он занимался вопросами расформирования армии и переброски войск на места постоянной дислокации. Ему было сделано чрезвычайно ле-

стное предложение – занять пост генерал-квартирмейстера (фактически 1-го заместителя) в недавно созданном по типу германского Большого Генштаба Главном управлении Генерального штаба, которое на тот момент являлось самостоятельным органом, независимым от Военного министерства. Однако Алексей Ермолаевич предложение отклонил по личным соображениям – у него не сложились отношения с тогдашним начальником Генштаба генералом Ф.Ф. Палицыным.

Вскоре ему поступило еще одно заманчивое предложение. Как вспоминал тогдашний военный министр генерал А.Ф. Редигер: *«На место Поливанова нужно было выбрать нового начальника Главного штаба. Нужен был не только умный и знающий, но и твердый человек, который продолжал бы начатое Поливановым трудное дело очистки Главного штаба от неспособных и обленевшихся работников и упорядочивания его работы. О выборе такого лица я советовался с Поливановым, и мы остановились на генерал-лейтенанте Алексее Ермолаевиче Эверте; я его видел всего раз, но он произвел на меня самое лучшее впечатление; Поливанов тоже знал его очень мало, но всеобщий отзыв о нем из*

армии был отличный. Он был временно в Петербурге, я его вызвал к себе 17 апреля и при Поливанове предложил ему должность. Эверт отказывался, говоря, что его тянет в строй, он лишь мечтает о командовании дивизией [...]; кроме того, он опасался, что окажется не на высоте нового назначения» [28, с. 43]. На следующий день, 18 апреля 1906 г., состоялось назначение Эверта начальником Главного штаба. В его ведении находился большой круг вопросов, связанных, прежде всего, с личным составом русской армии. Ему пришлось взять на себя тяжелую миссию по «чистке рядов» – Русско-японская война показала, что значительное количество офицеров не годятся для современной войны, надо было их отправить в отставку, а на их место подобрать более подходящих. Параллельно он работал и над разработкой планов реорганизации организационной структуры армии.

Со своими обязанностями Эверт справлялся блестяще, однако у него все же не сложились отношения с доктринером А.Ф. Редигером, который несколько путаясь в своих оценках вспоминал: *«Эверт пробыл в должности два года. Он оказался безукоризненно честным и хорошим чело-*

Рис. 9. А.Ф. Редигер

Рис. 10. Ф.Ф. Палицын

веком с большим здоровым умом, но не выдающимся администратором; человек добрый, он Главного штаба не вычистил и не подтянул. Эверт был очень твердых убеждений, пожалуй, даже упрям, и высказывал их вполне откровенно, так что мы неоднократно жестоко спорили с ним. Я за это очень уважал его и любил, но все же было трудно работать с человеком, с которым по некоторым вопросам (особенно, по организационным) мы совершенно расходились во мнениях. Поэтому, когда он весной 1908 года заявил о своем желании получить корпус, я поспешил исполнить его желание» [28, с. 43]. За время службы в Главном штабе Эверт получил орден Св. Анны 1-й степени (1907 г.).

21 мая 1908 г. Эверт принял командование 13-м армейским корпусом и 10 апреля 1911 г. произведен в генералы от инфантерии со старшинством с того же дня; при этом он «проскочил» дивизионный уровень, т. е. опыта командования дивизией он не имел. Корпус входил в состав Московского военного округа, а его штаб размещался в Смоленске⁸. В корпус входили 1-я (штаб – Смоленск)⁹ и 36-я (Орёл)¹⁰ пехотные дивизии, а также 2-я отдельная кавалерийская бригада (Орёл)¹¹. В Смоленске Эверт провел четыре года и 19 июня 1912 г. был назначен командующим войсками Иркутского военного округа и войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. 6 декабря 1912 г. он получил свою последнюю предвоенную награду – орден Св. Владимира 2-й степени. На территории округа размещались 2-й Сибирский армейский корпус (4-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии), штаб-квартира которого размещалась в Чите, и 3-й Сибирский армей-

Рис. 11. А.Е. Эверт

ский корпус (7-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии) со штабом в Иркутске.

Каких-либо важных событий за время руководства Эвертом округа не произошло: шла текущая работа по подготовке войск и поддержанию их боеспособности, отработка мобилизационных мероприятий, перемещение отдельных частей на новые места расквартирования [21, с. 138–147]. Единственной выходящей из разряда стандартных операций стала разработка в феврале – марте 1913 г. мер по противодействию вступлению китайских отрядов в Монголию, в которых планировалось задействовать казаков Забайкальского казачьего войска и несколько стрелковых батальонов, была даже предусмотрена мобилизация частей 5-й Сибирской стрелковой дивизии. В апреле – июле 1913 г. ряд частей был выдвинут в Улясутай и Кобдо, но, в т. ч. и по внешнеполитическим соображениям, какого-либо развития эта операция не получила, тем более, что действия русских войск от-

⁸ Начальниками штаба корпуса за время командования им Эверта являлись генерал-майор А.А. Угрюмов (6.6.1903–2.7.1910) и генерал-майор Е.Ф. Пестич (11.7.1910–19.11.1914).

⁹ Начальниками 1-й пехотной дивизии были генерал-лейтенант Д.П. Зуев (21.6.1907–16.6.1910) и генерал-лейтенант А.А. Угрюмов (2.7.1910–17.8.1914).

¹⁰ Начальником 36-й пехотной дивизии был генерал-лейтенант Н.А. Лашкевич (27.12.1906–23.4.1913).

¹¹ Начальниками 2-й отдельной кавалерийской бригады были генерал-майор В.А. Орановский (21.8.1907–11.7.1908) и генерал-майор П.А. Стахович (4.10.1908–27.11.1912).

Рис. 12. Здание штаба Иркутского военного округа

резвляюще подействовали на китайцев, активность которых резко снизилась.

Командующий армией

Вечером 17 июля 1914 г. приказом Императора Николая II в Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация, первым днем которой было назначено 18 июля. Этот приказ, естественно, касался и войск Иркутского военного округа (при частичной мобилизации эти мероприятия в округе не проводились). Указанные выше дивизии 2-го и 3-го Сибирских армейских корпусов пополнялись до штатов военного времени, после чего должны были быть отправлены на фронт. Также предусматривалось, что при мобилизации в округе должен быть развернут 6-й Сибирский армейский корпус в составе 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий. Мобилизационные мероприятия прошли успешно в соответствии с разработанными планами и войска были вовремя отправлены на фронт. *«Последовательность отправки на фронт выглядела следующим образом: из района Иркутск – Ачинск в начале августа 1914 г. убыл 3-й Сибирский армейский корпус [30, л. 1], 11 сентября оттуда же – 12-я и 13-я Сибирские стрелковые дивизии [22, с. 158]. ... Из района Сретенск-Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) в конце августа отправлен на театр войны 2-й Сибирский армейский*

корпус, в начале сентября – Забайкальская казачья бригада... . В сентябре... из Иркутска – управление 6-го Сибирского армейского корпуса» [23, с. 267–268].

Существенным является вопрос: какое место было предусмотрено для Эверта в случае начала войны. Посты главнокомандующих фронтами и командующих армиями на австро-германском фронте были «зарезервированы» для командующих военными округами, расположенными в Европейской России, даже назначение командующего Туркестанским военным округом и Туркестанского генерал-губернатора генерала А.М. Самсонова командующим 2-й армией было скорее исключением, подтверждающим правила. Что касается Эверта, то *«согласно расписанию высшего командования, он должен был командовать одним из Сибирских корпусов», как считает М.В. Оськин, «единственной вероятной вакансией мог стать 6-й Сибирский корпус, образуемый при мобилизации, так что, вероятнее всего, первоначально Эверт предназначался на эту должность» [25, с. 33].* Впрочем, всегда оставалась возможность временного оставления, до возникновения вакансии, генерала на его прежнем посту, поскольку назначение на корпус было бы для него серьезным понижением. На самом же деле, учитывая крупномасштабный характер грядущего конфликта, для

Эверта изначально предусматривался более ответственный пост и, таким образом, возможность его назначения на корпус (как и для командующего Приамурским военным округом генерала П.А. Лечицкого) была гипотетической.

Когда началась мобилизация, Эверт был вызван в Санкт-Петербург, поскольку он был одним из первых кандидатур на случай появления вакансии на пост командующего армией. Тем более что первая дополнительная армия, сверх семи, предусмотренных довоенными планами, – 8-я армия генерала А.А. Брусилова – была сформирована уже через девять дней (28 июля). 20 июля Эверт был принят Государем в Царском Селе; Император выказал свое благоволение к генералу, однако какого-либо назначения не состоялось ввиду отсутствия вакансий, но Эверту было предписано отправиться в Ставку вместе с великим князем Николаем Николаевичем и быть готовым к новому назначению. С этим дело не слишком затянулось, поскольку уже в 20-х числах августа было принято решение о формировании в районе Варшавы двух новых армий – 9-й и 10-й, возглавить которые должны были П.А. Лечицкий и Эверт, соответственно. В состав 10-й армии, которой предстояло развивать наступление на Берлин, вошел пока что один 22-й армейский корпус генерал-лейтенанта барона А.Ф. фон дер Бринкена, который находился в процессе переброски из Финляндии¹². 11 августа состоялось официальное назначение Эверта командующим армией, одновременно ее начальником штаба назначается генерал-лейтенант С.Д. Марков, который в 1912–1914 гг. был начальником штаба у Эверта в Иркутске.

Однако этой, еще не созданной армией, Эверт прокомандовал формально 22, а фактически два дня. Ситуация сложилась таким образом, что в ходе ожесточенных боев под Красником 10–12 августа 4-я русская армия генерала от инфантерии барона А.Е. Зальца, противостоявшая превосходящему ее почти в два раза противнику (109 тыс. человек и 352 орудия против 228 тыс.

Рис. 13. Великий князь Николай Николаевич – Верховный главнокомандующий

человек и 520 орудий), попала в тяжелую ситуацию: один за другим потерпели поражения 14-й, 16-й армейские и Гренадерский корпуса [1, с. 191]. Прибывший в срочном порядке в штаб Юго-Западного фронта (находившийся в Ровно) Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич 12 августа сместил 70-летнего барона А.Е. Зальца с поста командующего армией и приказал находившемуся под рукой Эверту принять на себя временное руководство ее войсками. При этом генерал С.Д. Марков остался формировать штаб 10-й армии, а Эверту «по наследству» от А.Е. Зальца достался начальник штаба генерал-лейтенант А.Е. Гутор (в 1918 г. перешедший на службу к большевикам).

Рис. 14. С.Д. Марков

¹² Также предполагалось включение в состав армии 18-го армейского корпуса генерала от кавалерии Н.Ф. фон Крузенштерна.

Несмотря на то, что положение армии, потерявшей в предшествующих боях около 20 тыс. человек, было тяжелым, Эверт сумел сплотить армию. *«Первый приказ А.Е. Эверта по армии со словами «отступления не допускаю» вышел 14 августа и произвел хорошее впечатление на войска, которые уже утром того же дня начали тяжелейшие бои за Люблин»* [1, с. 192]. Организованное генералом сопротивление наступающим частям австро-венгерской армии у Белжице–Туробина начало сказываться, хотя 16 августа армия и оказалась охваченной с обоих флангов. Как отмечал вообще скупой на похвалу генерал Н.Н. Головин, *«Распоряжения генерала Эверта делали 4-ю армию полностью готовой в ближайшие дни к переходу к активным действиям и, таким образом, сохраняли в его руках свободу действий для последующих дней. Командование армией ген. Эвертом в эти дни стоит много выше командования ген. Данкля¹³»* [6, с. 253].

17 августа авангард 18-го армейского корпуса принудил к отступлению австро-венгерскую группу Г. Куммера на Ходеле и положение под Люблином стабилизировалось, особенно после того, как сюда 19 августа прибыли части Гвардейского корпуса. Однако у Суходола положение оставалось тяжелым. 20 августа отряд генерала от артиллерии И.И. Мрозовского (Гренадерский корпус, 3-й Кавказский армейский, 18-й армейский корпуса) атаковал 10-й австро-венгерский корпус у Травников и прорвал фронт у Суходола. В тот же день 1-я гвардейская дивизия нанесла удар на Владислав и заставила отступить противника. В этот момент Эверт не стал развивать успех и отложил общее наступление на 22 августа, поскольку необходимо было дать войскам отдых и подтянуть подкрепления. 22 августа (именно в этот день Эверт был официально назначен командующим 4-й армией, а 10-ю армию вместо него возглавил генерал-лейтенант В.Е. Флуг) русские войска перешли в наступление и прорвали фронт противника.

¹³ Имеется в виду «победитель под Красником» командующий 1-й австро-венгерской армией генерал пехоты Виктор Данкль.

Несмотря на то, что 23 августа часть войск 4-й армии была передана в 9-ю, Эверт 24-го перешел в общее наступление, тесня 1-ю австро-венгерскую армию. 26–27 августа под Тарнавкой силами гвардии при поддержке 3-го Кавказского армейского корпуса была разбита германская группа Р. фон Войрша. В ходе боев 25–27 августа 4-я армия захватила около 15 тыс. пленных и 55 орудий. 27 августа австро-венгерские войска начали отступление, и 4–5 сентября войска Эверта вышли на р. Сан, а 3-й Кавказский армейский корпус генерал-лейтенанта В.А. Ирмана взял Сеняву и 27 орудий. *«За отличия при отбитии атак неприятельских сил на город Люблин с 13 по 21 августа 1914 г.»* генерал от инфантерии Эверт был Высочайшим приказом 18 сентября 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

10 сентября 1914 г. великий князь Николай Николаевич приказал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от артиллерии Н.И. Иванову *«переместить три корпуса Юго-Западного фронта к Ивангороду»* [4, с. 45]. В свою очередь, Иванов выделил для этих целей армию Эверта (Гренадерский корпус, 3-й Кавказский и 16-й армейский корпуса, а также Уральскую казачью дивизию; всего 96 400 штыков, 12 000 сабель, 605 орудий) для переброски. Войска начали выдвижение под Ивангород 11 сентября. 4-я армия перемещалась из центра Юго-Западного фронта на его северный фланг. Эверт *«... ставил перед ней задачу в случае развития удара немцами с северо-запада от Млавы на Нижний Нарев обеспечить правый фланг и тыл Юго-Западного фронта и оказать содействие отряду Ольховского в удержании Варшавы»* [15, с. 363].

В ходе Варшавско-Ивангородской операции (Ивангородская крепость находилась в оперативном подчинении Эверта) войска 4-й армии вначале под ударами немецких войск были оттеснены на правый берег Вислы. 26 сентября Эверт начал переправу у Ивангорода и Ново-Александрии и 27-го переправился через Вислу. Однако дальше ситуация осложнилась, и 28 сентября он отвел свои войска обратно на правый берег. На левом берегу закрепились

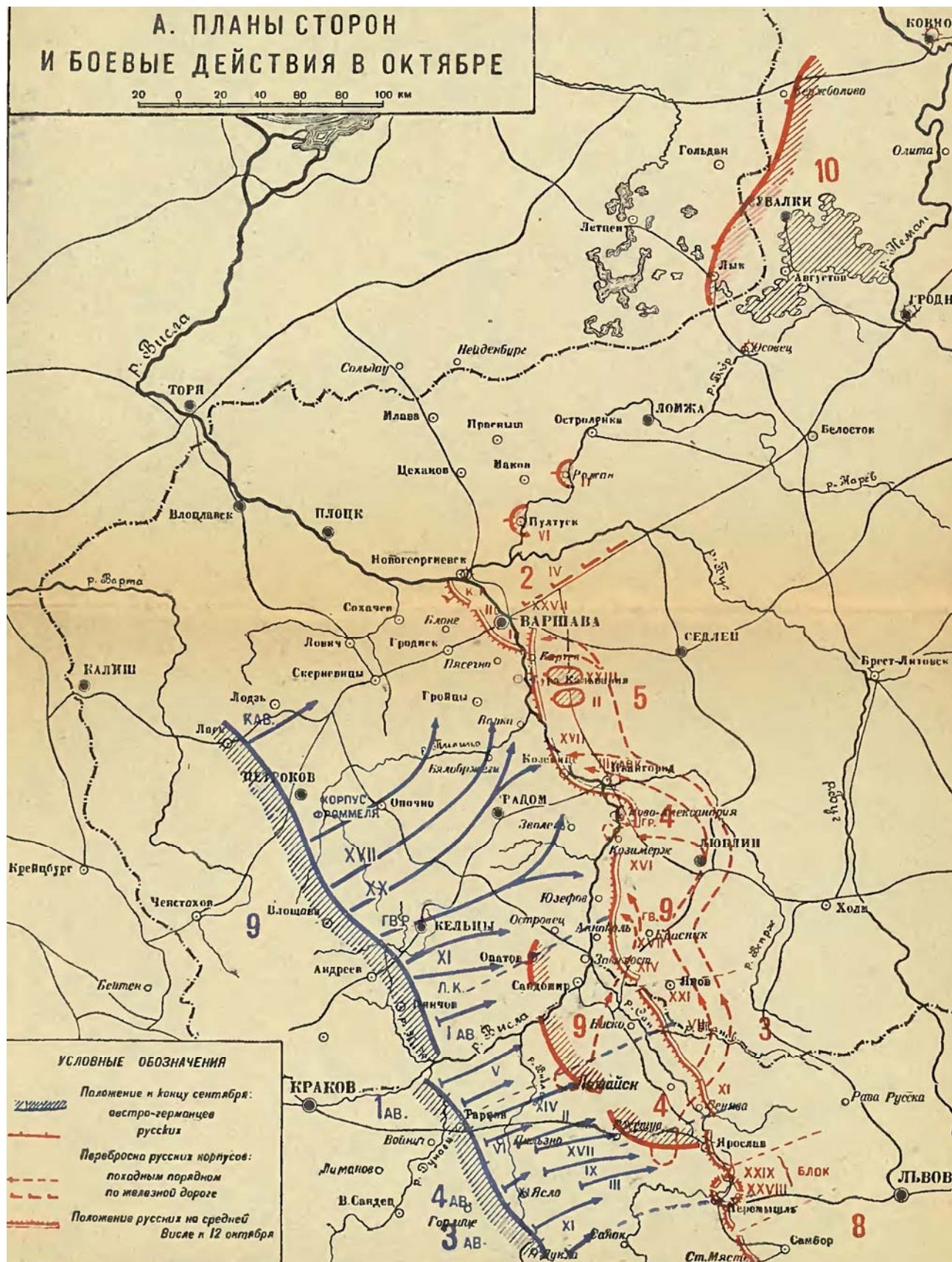

Рис. 15. Восточный фронт в октябре 1914 г.

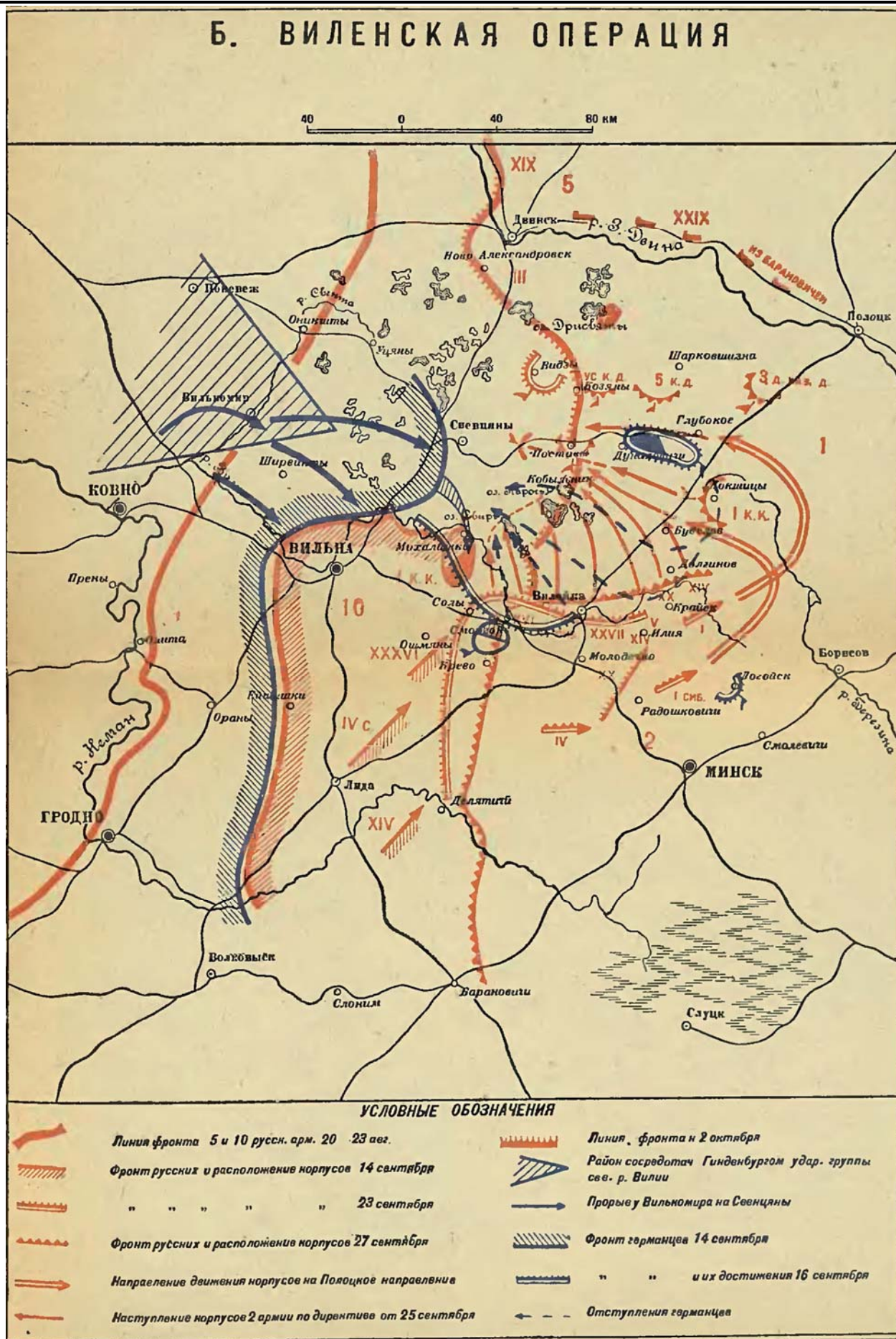

Рис. 16. Виленская операция в конце августа – начале сентября 1915 г.

лишь части 3-го Кавказского армейского корпуса, оборонявшие плацдарм в районе Козенице (севернее Ивангорода) в течение 15 дней. 28–29 сентября сюда же переброшен 17-й армейский корпус генерала от инфантерии П.П. Яковлева, который 30 сентября был передан из 5-й армии в состав 4-й. 8 октября русские войска взяли Козеницы.

Наконец, 10 октября при поддержке частей 9-й армии генерала от инфантерии П.А. Лечицкого 4-я армия неожиданно для противника нанесла удар от Козенице, начав наступление на Радом, тесня стоявшие перед ними войска 1-й австро-венгерской армии. *«Войскам пришлось наступать в лесистой местности, что затрудняло их продвижение и нередко приводило к потере управления ими со стороны командования. Несмотря на это, они с честью преодолели все трудности..., разгромили австрийцев и принудили их поспешно отступить на юг»* [15, с. 372]. 15 октября Радом был взят, и войска Эверта продолжили продвижение вперед, практически не встречая сопротивления. 20 октября Эверт двинул в обход левого фланга 1-й австро-венгерской армии генерала В. Данкля 3-й Кавказский армейский корпус, который взял Кельцы и принудил противника к отступлению.

На этом Варшавско-Иваногордское сражение завершилось: австро-германское командование было вынуждено свернуть боевые действия и отвести войска на исходные позиции, что означало полный провал их плана по разгрому русской армии. Значительный вклад в срыв планов германского командования внесла 4-я армия и ее командующий, еще раз доказавший, что является «крепким командиром», умеющим организовать упорное сопротивление, а затем – и контрнаступление.

29 октября австро-германские войска начали новую – Лодзинскую – операцию, целью которой был разгром всего русского фронта и уничтожение развернутой в районе Лодзи 2-й русской армии генерала от кавалерии С.М. Шейдемана. И вновь Эверт показал себя мастером обороны: он вступил в затяжной бой с превосходящими его по численности войсками 2-й австро-венгерской армии генерала Э. Бём-Эрмоли

и сковал ее, дав возможность частям 5-й армии деблокировать 2-ю русскую армию.

2 ноября 1914 г. Эверт начал наступление силами Гренадерского, 3-го Кавказского, 16-го, 17-го армейских корпусов в район Ченстохова, где встретил упорное сопротивление германской группы генерала Р. фон Войрша и 1-й австро-венгерской армии. После тяжелых боев 5 ноября он был вынужден отвести левый фланг. На следующий день, 6 ноября, Эверту удалось ликвидировать попытку обхода своего правого фланга частями 2-й австро-венгерской армии, но одновременно противник осуществил прорыв на стыке 4-й и 9-й русских армий – этот прорыв был ликвидирован уже Лечицким.

8 ноября войска Эверта разгромили 4-й австро-венгерский корпус, но после того, как главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский отвел свои войска, наступление пришлось остановить.

В конце 1914 г. основные силы 4-й армии Эверта были отведены за Вислу, где они должны были восстановиться и получить пополнение, готовясь весной 1915 г. перейти в наступление с удерживаемых ею правобережных плацдармов. Однако ситуация на фронте в начале 1915 г. была очень тяжелой: *«...командование Восточного фронта (Гинденбург и Людендорф) требовало перенести главные усилия на Восток с целью, как выразился Гинденбург, «поставить на колени» Россию и этим успехом заставить и западные державы пойти на уступки», в связи с чем новый «германский план учитывал позиционную борьбу на Западе и маневренную на Востоке, ограничение действий на одном фронте и сокрушение противника на другом»* [34, с. 282]. Германское командование начало наращивать развернутую на Востоке группировку. 10 января 1915 г. Эверт получил сразу две высоких награды: ордена Белого Орла с мечами и Св. Александра Невского с мечами.

Основной удар в апреле 1915 г., так называемый Горлицкий прорыв, немцы нанесли не по армии Эверта, которая оказалась, таким образом, на вспомогательном направлении. Однако ей также довелось участво-

вать в боях в междуречье Вислы и Дунайца. Этот участок фронта (вместе с 4-й армией) в мае 1915 г. был передан Северо-Западному фронту генерала от инфантерии М.В. Алексева. К июню 1915 г. армия располагалась по левому берегу Вислы, опираясь на Ивангород, и имела в своем составе 36-й, 15-й, 25-й армейские и Гренадерский корпуса (3-й Кавказский армейский корпус был еще в феврале отправлен в район Ораны).

После начала наступления 11-й армии генерал-полковника А. фон Макензена (13 июня) в полосе между реками Вислой и Бугом левый фланг армии (Гренадерский и 25-й армейский корпуса) переведен на правый берег Вислы. 21 июня части 4-й австро-венгерской армии атаковали корпуса Эверта (15-й армейский корпус был передан ему из 3-й армии). В ходе Таневского сражения 21–24 июня австро-венгерские войска были отброшены, а затем Эверт нанес им крупное поражение при Уржендове. 6 июля Эверт получил приказ командования об отходе за Вислу. В тот же день германские войска Р. фон Войрша прорвали позиции, занимаемые Гренадерским корпусом, что вынудило Эверта ускорить отход.

Во время Люблин-Холмского сражения, продлившегося с 9 по 19 июля 1915 г.,

Рис. 17. А. фон Макензен

Эверту вновь пришлось действовать от обороны, что ему удавалось лучше всего. Его войска успешно сдерживали наступление 4-й австро-венгерской армии. 16 июля войска Р. фон Войрша форсировали Вислу у Сенно и сумели закрепиться на правом берегу. Все попытки Эверта ликвидировать силами 26-го и 16-го армейских корпусов прорыв потерпели крах и привели лишь к большим потерям. 8 августа германские войска нанесли поражение 16-му армейскому и Гренадерскому корпусам, и Эверт начал отводить части 4-й армии от Седлеца на Грабовец.

За время своего участия в боевых операциях 1914–1915 гг. Эверт заслужил репутацию одного из лучших командующих русскими армиями. Причем его отличало особое умение вести оборонительные действия, выдерживая удар и сковывая превосходящие его силы противника. Используемая им стратегия, сторонником которой он стал во время Русско-японской войны, была направлена, прежде всего, на «сбережение армии» путем ведения действий от обороны, сокращая до минимума крупномасштабные наступления. Подобные действия на фоне резкого усиления на фронте группировки противника, а также разразившегося тяжелейшего «снарядного голода» – кризиса военного снабжения, сделали Эверта особенно востребованным в середине 1915 г., когда произошла серьезная реорганизация высшего командования.

Свою оценку действий Эверта на посту командующего армией оставил герой войны, комендант крепости Ивангород генерал-майор А.В. фон Шварц, общавшийся с ним в августе 1914 г. и начале июля 1915 г. Он дал Эверту следующую характеристику: *«Он был высокого роста, с энергичным почти суровым лицом, и носил черную бороду... Он имел вид очень энергичного человека, но на самом деле таковым не был. Я не могу сказать, чтобы он был нерешительным, но в продолжение всего его командования 4-й армией он обнаружил большую растерянность и ни разу не принял такого решения, которое при умелом проведении дало бы громкий успех или нанесло бы удар при обратных обстоятельствах. Однажды он мне сказал: «Моя ар-*

Рис. 18. А.В. фон Шварц

мия никогда не имели большего успеха, но никогда и не несли больших потерь».

Лично я считаю такую излишнюю осторожность недостатком для военного начальника, т. к. во многих случаях решительным ударом можно было нанести неприятелю неисчислимый вред. Но он не предпринимал ничего, принимая все меры для отражения наступления противника, теряя время, уступая неприятелю инициативу и окончательно упуская подходящий случай... Однако за всеми этими свойствами скрывалось доброе сердце» [37, с. 71]. (Надо иметь в виду, что во время общего отступления русской армии в июле 1915 г. Эверт сразу после того как в его подчинении оказалась Ивангородская крепость, отдал Шварцу приказ эвакуировать крепость, указав, «что на Вашу личную ответственность упадет захват неприятелем трофеев в крепости» [37, с. 70]. Шварц был крайне не доволен этим приказом, в связи с чем приведенная выше характеристика не совсем объективна и сделана под влиянием эмоций).

Главкомандующий фронтом

В августе 1915 г. в русской армии произошло несколько чрезвычайно серьезных перестановок в высшем командном составе,

в результате чего на следующую ступень своей карьеры поднялся и Эверт. Сначала 3 августа произошло разделение ставшего слишком крупным Северо-Западного фронта на два – Западный, во главе которого остался генерал от инфантерии М.В. Алексеев, и Северный, который получил выздоровевший бывший главнокомандующий армиями все того же Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский. Еще более важным событием стала смена Верховного главнокомандующего и его штаба. Государь, наконец, принял решение лично занять этот пост: после ряда тяжелых и не слишком удачных сражений и отступления русской армии Николай II посчитал невозможным оставаться в стороне от военных действий и принял на себя в этих тяжелейших условиях всю ответственность за положение армии. 23 августа 1915 г. он возложил на себя звание Верховного главнокомандующего. В ходе подготовки к этому событию 20 августа Ставка была пе-

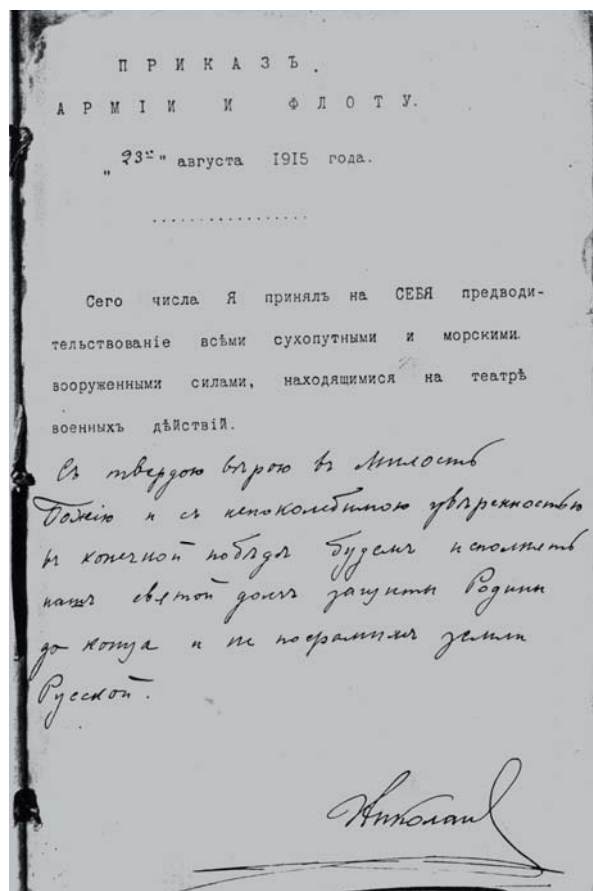

Рис. 19. Приказ императора Николая II о вступлении в должность Верховного главнокомандующего

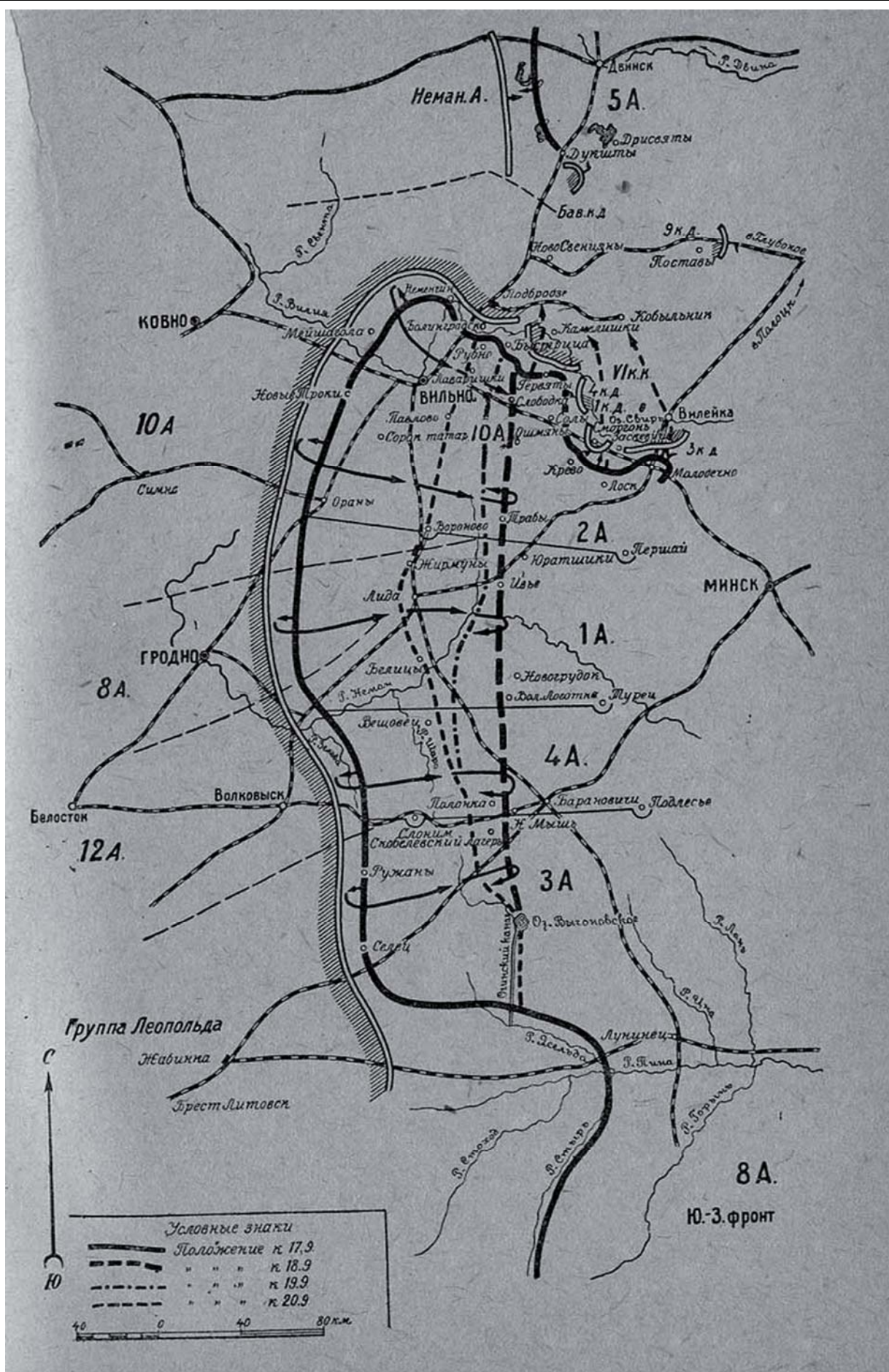

Рис. 20. Отход войск Западного фронта в сентябре 1915 г.

Рис. 21. Слева направо генералы: А.Ф. Рагоза, А.Е. Эверт, А.М. Драгомиров, А.Н. Куропаткин, М.Ф. Квецинский, 21 декабря 1915 г. на станции Погорельцы в ожидании императора Николая II

реведена из Барановичей в Могилёв, а 18 августа М.В. Алексеев назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. М.В. Оськин пишет, что при выборе нового начальника штаба «одним из кандидатов был выдвинут Эверт, которого в пику Алексееву, поддерживал Н.В. Рузский. По некоторым данным, кандидатура Эверта была отклонена из-за его немецкой фамилии, что в условиях развязанной Ставкой кампании шпиономании могло иметь самые негативные последствия во внутривнутриполитическом отношении. Сам император Николай II решительно высказался в пользу Алексеева» [25, с. 39]. Существовал ли действительно вопрос о выборе между Эвертом и Алексеевым или же это были очередные интриги Рузского – сказать сложно. Однако стоит заметить, что по своим талантам Алексеев был значительно сильнее Эверта, а также уже имел опыт руководства фронтом в крайне тяжелых условиях. Поскольку в случае, когда пост Верховного главнокомандующего занимает глава государства, роль начальника его штаба резко

возрастает, выбор Государя не вызывает вопросов. Николай II всегда довольно высоко оценивал Эверта как военачальника, поэтому именно его поставил во главе Западного фронта, прикрывавшего пути к Москве. Определенную роль сыграл и тот факт, что Эверт знал данный театр военных действий, поскольку именно здесь уже сражались войска его 4-й армии. А, кроме того, на тот момент нужен был, прежде всего, генерал, умевший действовать в обороне, а здесь Эверт был одним из лучших. Таким образом, 20 августа 1915 г. состоялось назначение Эверта главнокомандующим армиями Западного фронта, в состав которого входили 1-я (командующий – генерал от кавалерии А.И. Литвинов), 2-я (генерал от инфантерии В.В. Смирнов), 3-я (генерал от инфантерии Л.В. Леш) и 4-я (генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза) армии.

Во главе фронта Эверт придерживался все той же стратегии, которую он считал единственно правильной и гарантирующей не сиюминутный, а конечный успех. За это

Рис. 22. Император Николай II и А.Е.Эверт (слева) на смотре войск. Станция Вилейка 23 декабря 1915 г.

он подвергался критике практически во всех появившихся после окончания войны военно-теоретических работах. Так, генерал от инфантерии А.М. Зайончковский писал: *«Ни на одном из фронтов телеграф не работал так много, как у Эверта. Он самым старательным образом подготавливал все операции, вмешивался во все детали работ командующих армиями и корпусных командиров, но не решался атаковать. Очевидно, Наполеоновская равнодействующая у этого военачальника сильно уклонялась в сторону ума и в ущерб характера»* [11, с. 32].

Очередное наступление немцев, все еще надеявшихся в 1915 г. вывести Россию из войны, началось 26 августа на Виленском направлении, где был нанесен удар в стык 5-й и 10-й армий. 28 августа фронт был прорван – эта операция получила название Свенцянский прорыв, однако введя в бой вновь сформированную 2-ю армию, Эверт 2–3 сентября остановил продвижение противника. Затем была проведена успешная контратака, как обычно у Эверта с ограниченными целями, в ходе которой была разбита брошенная немцами в прорыв кавалерия. К 19 сентября русские войска закрепились на линии Дрисвяты – Нарочь –

Сморгонь – Пинск – Дубно – Тернополь, не допустив окружения – к чему стремился противник, и тем самым, лишив смысла все германское наступление. Достаточно высоко оценивая действия Эверта в этой операции, начальник кафедры военной истории Военной академии им. М.В. Фрунзе комбриг Н.Ф. Евсеев отмечал: *«Командующие фронтами, кроме Эверта, тратили непомерно много времени на домогательства и вымогательства сил для своих фронтов [...], причем их мотивы примерно одинаковы, мы назовем их местническими, центробежными, лишенными необходимого более широкого кругозора, точнее качеств, необходимых столь большим людям – командующим фронтами [...]. Прямую противоположность выказал командующий Западным фронтом Эверт, широко смотревший на события, не суживавший свою деятельность разграничительными линиями фронтов, по-деловому организуя действия подчиненных ему армий в интересах двух фронтов. Эверт для Северного фронта сделал больше, нежели Рузский»* [9, с. 232].

8 октября 1915 г. Эверт был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени по совокупности заслуг сразу за три сражения, два

из которых он провел будучи командующим армией: за то, что в наступление двумя корпусами нанес полное поражение австрийскому корпусу в мае 1915 г. под г. Опатовым; за наступление в июне 1915 г. двумя корпусами против австрийцев на Люблин; за то, что в сентябре 1915 г. провел искусный маневр и предотвратил прорыв неприятеля между Двинском и Сморгонью. 23 декабря 1915 г. Эверт был пожалован званием генерал-адъютанта – награда довольно редкая и показывавшая особое благоволение к нему императора Николая II.

Наиболее важным для карьеры Эверта стал 1916 год. Мало того, то, как он вел военные действия в этом году, стало для историков определяющим для оценки его полководческого таланта. И хотя основным объектом критики и нападок – и, как следствие, более известными – оказались его действия во время летнего наступления русской армии, история началась раньше, во время Нарочской операции 5–16 марта 1916 г.

В начале 1916 г. Эверт правильно оценил складывающуюся на фронтах ситуацию и 13 января направил М.В. Алексееву письмо, предлагавшее довольно решительные меры и меры по подготовке масштабного наступления. Эверт писал: *«Агентурные сведения, опросы пленных, отсутствие каких-либо новых германских частей не только на Западном и Северном фронтах, но даже и на Юго-западном, несмотря на предпринятое нами там недавно наступление, – все это, в связи с уводом значительной части германских войск с Балканского полуострова, указывает на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на их Западном фронте. Если это случится, то мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни в коем случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям. Мы обязаны начать наступление тотчас, как только определится германское наступление на французов, не теряя времени, со всей энергией и стремительностью [...]». Вполне вероятно, что германцы умышлен-*

но затянут подготовку своего наступления на 1–2 месяца, т. е. до того времени, когда на нашем фронте настанет распутица и серьезные операции будут невозможны в продолжение 6–8 недель, а может быть и далее.

Наше зимнее наступление, несомненно, нарушило бы в корне эти расчеты, если бы они имели место. Даже если бы внимание Германии было привлечено нами, то и в этом случае наше наступление даст больше, чем ожидание удара со стороны противника. Я принимаю все меры, чтобы подготовить армии Западного фронта к наступлению в ближайший зимний период» [27, с. 8].

11 февраля 1916 г. в Могилеве в Ставке Верховного главнокомандующего под председательством Государя состоялось совещание, в котором приняли участие все командующие фронтами. Главный удар должен быть на стыке Северного и Западного фронтов. Эверт был не в восторге от принятого решения, не желая втягиваться в заведомую авантюру. 16 февраля сообщил М.В. Алексееву: *«Полученные же мною сведения о районе, намеченном для наступления, показывают, что в весеннюю распутицу он или крайне тяжел, или вовсе негоден для военных действий: большие болотистые пространства становятся непроходимыми; многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь; почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным»* [27, с. 16].

19 февраля глава французской военной миссии в России генерал П. По направил М.В. Алексееву письмо, где настаивал: *«В предвидении развития, вполне в настоящее время вероятного, германских операций на нашем фронте и на основании постановлений совещания в Шантильи, я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием»* [20, с. 56].

3 марта была отдана Директива, предусматривавшая проведение уже обсужденного наступления.

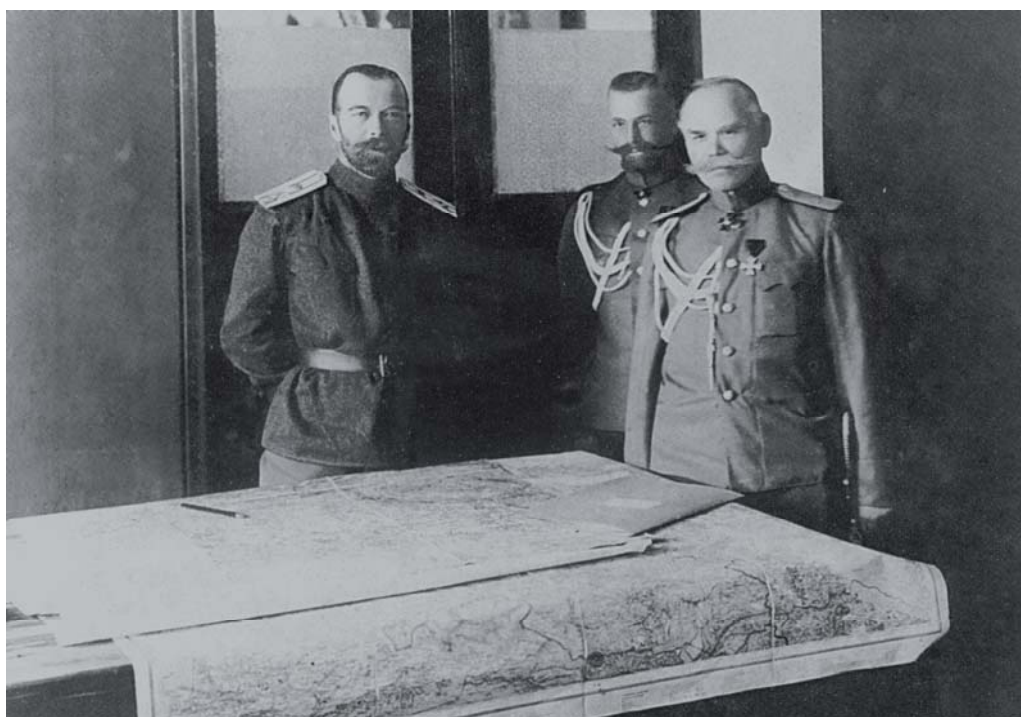
Начавшаяся 5 марта Нарочская операция, которую проводила 2-я армия фронта (временно командующий генерал от ин-

Рис. 23. Ставка в Могилеве. 12 февраля 1916 г. Военный совет с командующими фронтами, возглавляемый Государем Императором Николаем II

фантерии А.Ф. Рагоза), в целом была не слишком удачной, и 17 марта Эверт отдал приказ: «Начатая 5 марта атака неприятельских позиций... не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно

заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в общем объеме. Во исполнение повеления Государя Императора, приказываю: 1-й и 2-й армиям прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом поло-

Рис. 24. Император Николай II и М.В. Алексеев в Ставке 12 февраля 1916 г.

женин, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневецкое продолжать начатую операцию с целью овладения немеченными пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района» [27, с. 148]. Потери же русской армии были очень значительны для столь малых результатов. Автор единственной предметной работы по Нарочской операции Н.Е. Подорожный дает цифру наших потерь убитыми и ранеными в 1 018 офицеров и 77 427 солдат, что составило 30,3% к списочному составу 2-й армии на 5 марта. Особенно пострадала группа генерала от кавалерии М.М. Плешкова (1-й, 27-й, 1-й Сибирский армейские, 7-й кавалерийский корпуса), потери которой достигли 52,1% [27, с. 149].

Германское командование сняло некоторое количество войск с Западного фронта и под Верденом на некоторое время наступило затишье, что дало возможность французскому командованию подтянуть резерв и выправить критическую ситуацию. Таким образом, цель операции была достигнута, хотя потери, надо признать, были чрезмерными. Действия Эверта Подорожный оценивает достаточно трезво, однако, будучи советским историком, не старается выбирать выражений для характеристики «царского генерала»: *«Приведенные вначале его вполне разумные и дельные предложения и вдумчивая оценка обстановки показывают, что в незнании и непонимании порученного ему дела генерала Эверта обвинить нельзя. Это был по-своему незаурядный командующий армией и фронтом в царской армии... Нам кажется, что наряду с командиром, полководцем в Эверте мирно уживался чиновник. Эверт был разумным и дельным командующим только до тех пор, пока ему лично не угрожало ничего сверху. Но как только его личному благополучию грозила опасность, Эверт мгновенно из командира превращался в Молчалина, «чего изволите»* [27, с. 156]. Здесь трактовка действия Эверта несколько резка, думается, что дело не только в выпячиваемом автором «карьеризме», а в постоянно подчеркиваемом Эвертом положении, которое, по

его мнению, составляет основу военной службы: младший должен подчиняться старшему, а подчиненные штабы как можно точнее исполнять указания высших. Именно в этом он видел причины неудач Рагозы, и, в свою очередь, считал необходимым считаться с мнением Ставки, а не вступать с ней в бесконечные споры.

Летнее наступление 1916 г.

Эверт был уверен: Нарочская операция в полной мере показала – прорвать германские позиции, а затем перейти в широкомасштабное наступление с далеко идущими целями на данный момент времени невозможно. Имеющихся в распоряжении войск недостаточно, прежде всего, это касается артиллерии (особенно тяжелой), запасов боеприпасов, различных технических средств. Надо заметить, что к началу 1916 г. кризис военного снабжения еще не был преодолен – для этого потребовался практически весь 1916-й, к концу которого русская армия в смысле ее оснащения артиллерией и техническими средствами действительно перешла на новый качественный уровень. Эверт это прекрасно понимал, возможно, он не знал «высокой государственной политики», но военным профессионалом он был высоко квалифицированным. Без накопления сил все наступления, даже если они будут иметь успех, станут лишь бессмысленной тратой личного состава и вооружения без особых перспектив на конечную победу, считал он.

Как яркий представитель «куропаткинской школы» – тем более что его «учитель» неожиданно получил пост главнокомандующего армиями Северного фронта вместо вновь вовремя заболевшего Н.В. Рузского – Эверт считал необходимым уйти в глухую оборону и заняться накоплением сил: время играет на Россию, ресурсы противника стремительно иссякают, и в 1917 г. можно говорить о проведении операций, которые *«если и не приведут войну к полному окончанию, то, во всяком случае, предрешат с очевидностью ее исход»* [25, с. 49; 29, л. 25]. Растрата же войск лишь испортит все дело. Позиция Эверта была ясной, обоснованной и логичной, тем более что ее подтверждал и опыт, накопленный

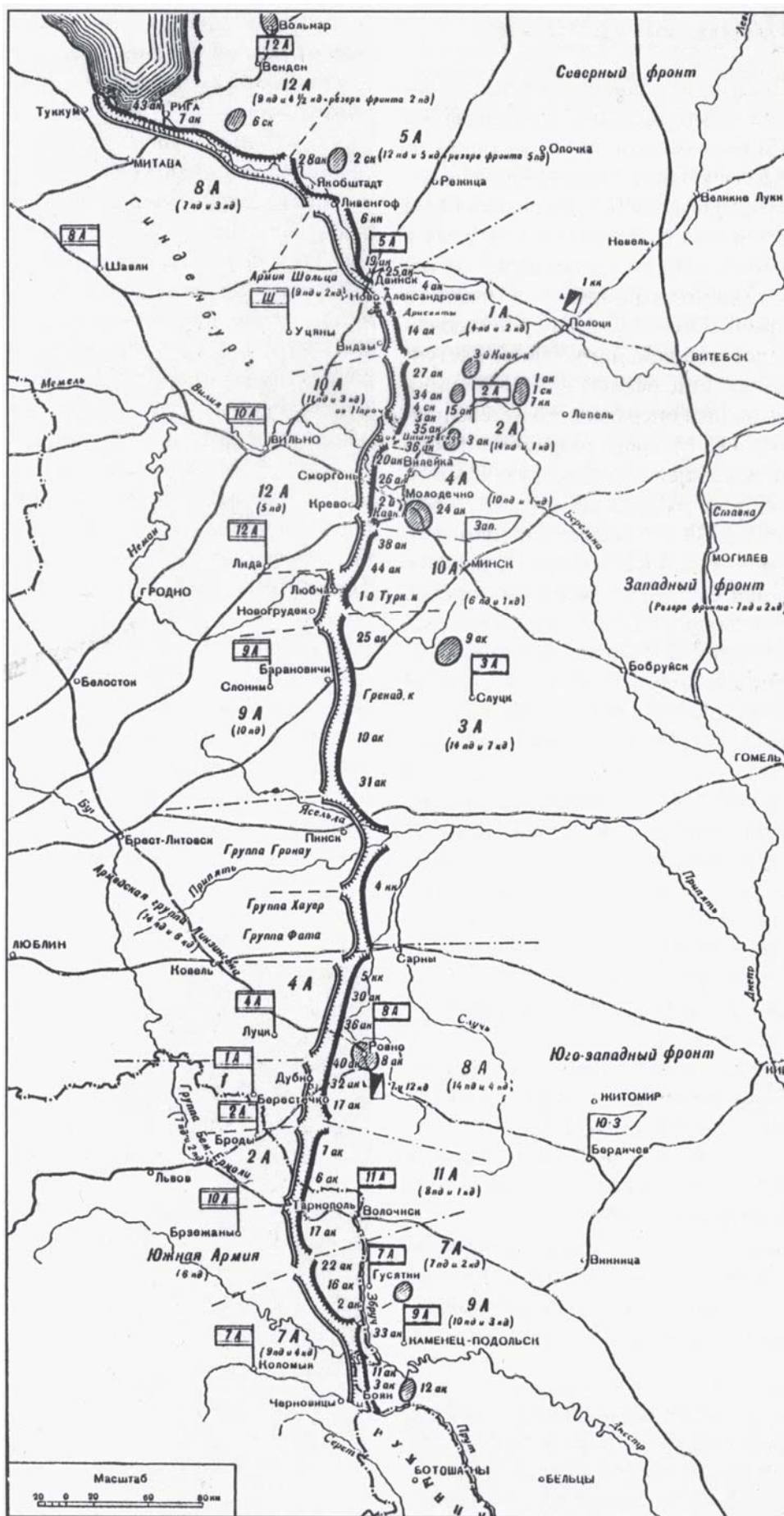

Рис. 25. Положение сторон на Восточном фронте к апрелю 1916 г.

англо-французскими войсками на Западном фронте. В краткой форме стратегия Эверта заключалась в следующем: отказавшись от безрассудной растраты огромных сил русской армии в штурме хорошо подготовленных оборонительных позиций противника без поддержки тяжелой артиллерии, сосредоточиться на накоплении необходимых средств, а в кампанию следующего года перейти в решительное и скоординированное с Союзниками на других фронтах наступление, отразить которое Центральные державы будут просто не в состоянии. Таким образом, взять в 1916 г. паузу, а в 1917 г. победоносно завершить войну.

Эту точку зрения Эверт, при поддержке генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, последовательно отстаивал на состоявшемся 1 апреля 1916 г. в Ставке в Могилеве совещании. М.В. Алексеев озвучил амбициозный план, основные положения которого позже были изложены в директиве № 2017/806 от 11 апреля 1916 г. Она предусматривала переход в наступление и атаку германо-австрийских войск армиями всех трех фронтов. Главный удар должны были наносить войска Западного фронта из района Молодечно в направлении Ошмяны, Вильна. Северному фронту ставилась задача наступать из района Двинска на юго-запад, а Юго-Западному фронту главную атаку произвести войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк [20, с. 81].

На самом совещании, как вспоминает участвовавший в нем А.А. Брусилов, сначала выступил А.Н. Куропаткин, «который заявил, что на успех его фронта рассчитывать очень трудно и что, по его мнению, как это видно из предыдущих неудачных попыток к наступлению, прорыв фронта немцев совершенно невероятен, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу; скорее, нужно полагать, мы понесем громадные безрезультатные потери [...]». Затем было предоставлено слово Эверту. Он, в свою очередь, сказал, что всецело присоединяется к мнению Куропаткина, в успех не верит и полагает, что лучше было бы продолжать держаться оборонительного образа действий до тех пор, пока мы не будем обла-

Рис. 26. А.Е. Эверт

дать тяжелой артиллерией, по крайней мере в том же размере, как наши противник, и не будем получать тяжелых снарядов в избытке» [3, с. 209]. Мнение Эверта, как указывалось выше, было проигнорировано, несмотря на то, что именно ему было поручено наносить главный удар.

Получив дополнительные резервы и доведя численность 2-й и 4-й армий в Молодеченском районе до 480 тысяч человек, Эверт тем не менее затягивал подготовку к наступлению. С одной стороны, он всеми силами пытался накопить как можно больше вооружения, с другой, не верил в успех предстоящей операции и пытался отсрочить возможную катастрофу. К концу мая 1916 г. в состав Западного фронта входили 2-я (генерал от инфантерии В.В. Смирнов), 3-я (Л.В. Леш), 4-я (А.Ф. Рагоза), 10-я (Е.А. Радкевич) армии. Штаб фронта возглавлял генерал-лейтенант М.Ф. Квещинский.

В назначенное время 22 мая войска Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А.А. Брусилова перешли в наступление и в первые же дни добились больших успехов, нанеся крупное поражение австро-венгерской армии. Исходя из успехов Юго-Западного фронта, Эверт решил изменить свои планы и вместо удара на Вильно нанести удар по Барановичам, куда был в срочном порядке переброшен штаб 4-й армии. В связи с изменением направления и необходимостью доработать планы Эверт добился отсрочки наступления до 31 мая.

Затем Эверт, ссылаясь на неготовность своих войск, попросил об очередном переносе сроков начала наступления на 4 июня, но 3 июня по его ходатайству Ставка выпустила директиву, перенеся срок наступления на Барановичском направлении *«на 18 дней с соблюдением полнейшей скрытности подготовки»*, т. е. до 21 июня.

Наступать должна была 4-я армия, в которой было сосредоточено 19,5 пехотных и 2 кавалерийские (2-я Туркестанская и Уральская казачьи) дивизии общей численностью в 325 тысяч человек, при 1324 пулеметах, 742 легких и 258 тяжелых орудиях [10, с. 554–555]. *«Главный удар русских наносился 9-м (командир – А.М. Драгомиров) и 25-м (Ю.Н. Данилов) армейскими корпусами на участке фольварк Дробыши – Заосье. Прочие войска – Гренадерский (Д.П. Парский), 10-й (А.И. Березовский) и 35-й (П.А. Парчевский) армейские, а также 3-й Сибирский (В.О. Трофимов) и 3-й Кавказский (В.А. Ирманов) армейские корпуса – наступали для обеспечения главного удара»* [26, с. 274].

20–27 июня 4-я армия провела наступление на Барановичи и имела лишь небольшой локальный тактический успех. При этом потери русской армии составили 30 тыс. убитых, 47 тыс. раненых, 2 тыс. пленных, немцев – 8 тыс. убитых, 13 тыс. раненых, 4 тыс. пленных [24, с. 106]. Опа-

Рис. 27. Ю.Н. Данилов

сения и предсказания Эверта относительно наступления на его участке фронта полностью оправдались: войска Западного фронта были не готовы к масштабному прорыву германской обороны. Слушать Эверта не захотели, а А.А. Брусилов продолжал говорить о «преступных действиях» главнокомандующего армиями Западного фронта. 26 июня решением Ставки главный удар был передан Юго-Западному фронту, а Эверт получил задачу «удерживать» противника. В подобных операциях генерал был крупным специалистом, в связи с чем на завершающей стадии операции он, при минимальных потерях, сковал действия противника, не дав ему возможности снять с фронта силы для подкрепления на юге.

30 июля в состав фронта были переданы 3-я и Особая армии, действовавшие на Ковельском направлении. 3 августа Эверт издал директиву, назначив их наступление на 15 августа, однако позже перенес наступление на 23, а затем на 24 августа. 22 августа Эверт провел артподготовку, однако из-за нехватки тяжелой артиллерии ее результатами остался не доволен. Не желая бросать солдат на немецкие пулеметы, он отменил операцию, считая, что из-за осенней распутицы шансов на успех наступление не имеет. 27 августа Эверт провел лишь локальное беспокоящее наступление на Червищенском плацдарме. В сентябре Особая армия вернулась в состав Юго-Западного фронта, положение на Западном фронте стабилизировалось.

Крупный военный теоретик А.А. Свечин впоследствии так оценивал действия Эверта: *«Надо сказать, что хотя Западный фронт и должен был нанести главный удар, но у главнокомандующего ген. Эверта в то время было такое же психологическое настроение, какое было впоследствии на Юго-Западном фронте, когда от него требовалась поддержка Румынского фронта. Под влиянием предыдущих неудач на своем фронте, учитывая опыт операций германцев на Французском фронте, Эверт не верил в успех. Поэтому он всячески отказывался от наступления и, придумывая для этого различные предлоги, с величайшей готовностью слал Юго-Западному фронту и резервы, и снаряды. Между тем этот*

фронт, в свою очередь, отказывался от всего, лишь бы было наступление на Западном фронте. Поэтому, когда Эверт сам заговорил, что вместо Виленского направления, в связи с успехами Юго-Западного фронта, было бы целесообразно развить наступление против Барановичей, то Ставка быстро согласилась и перевела центр наступления Юго-Западного фронта на Ковель» [19, с. 13–14].

У отечественной и зарубежной историографии традиционно на первый план выносятся «выдающийся полководец» А.А. Брусилов, а Эверта за действия летом 1916 г. обвиняют если не в предательстве, то в саботаже. При том, что наступление Юго-Западного фронта хотя и привело к тяжелейшему поражению австро-венгерских войск, но из-за отсутствия сил и технических средств, необходимых для его развития, оно не привело к выводу Австро-Венгрии из войны. После этого первоначального успеха армии Юго-Западного фронта – в т. ч. знаменитая «брусиловская» 8-я армия – истекли кровью в затяжных позиционных боях под Ковелем, где Брусилов растратил все преимущества, которые завоевали его солдаты в июне – июле 1916 г. Когда подобные оценки дают иностранные авторы, – это понятно: англичанам и французам не пристало считать русских солдат, чем больше их погибнет, атакуя немецкие окопы, – тем лучше, тем больше сил будет оттянуто с Французского фронта, и поэтому их герой – генерал Брусилов. Но и отечественные исследователи также продолжают нападать на Эверта за его «пассивность». Им же стоит прислушаться к мнению талантливого военачальника и высокообразованного офицера Генштаба будущего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева. Став свидетелем того, как 12-я пехотная дивизия, штаб которой он в то время возглавлял, истекла кровью в «брусиловских» боях, он с горечью записал в дневнике 7 октября 1916 г.: *«Не надо нам гениальных, которые решают дивные задачи, а дайте нам средних, но храбрых, честных в труде и исполнительных. Дивизия, в которой будут такие, непобедима; она не будет, может быть, иметь ярких побед, но она обеспечена от поражений и осечки не*

даст» [36, с. 52]. Хотя имя здесь не названо, но каждое слово Снесарева можно смело отнести к генералу Эверту.

Отречение и отставка

К 15 декабря 1916 г. Западный фронт Эверта насчитывал 788 батальонов (против 543 у противника), 288 эскадронов (против 104), 1928 легких орудий (против 1774), 261 гаубицу (против 504) и 348 тяжелых орудий (против 614) [12, с. 17]. Поскольку Эверт не понес больших потерь в устроенной А.А. Брусиловым мясорубке, он мог продолжать накапливать силы и военные материалы, готовясь к кампании 1917 г. Планы действий обсуждало совещание в Ставке 17–18 декабря 1916 г. Свои соображения Эверт изложил еще в письме исполняющему обязанности начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии В.И. Гурко от 11 декабря 1916 г., а позже отстаивал их на совещании. Вот как позицию Эверта изложил А.М. Зайончковский (в сокращении):

«Эверт находил, что наступление к югу от Припяти может иметь лишь второстепенное значение для всего русского фронта и, наоборот, наступая севернее Полесья, мы будем с каждым шагом вперед отвоевывать нашу родную землю, а в случае крупного успеха создается возможность занять Польшу и угрожать Восточной Пруссии. Он считал, что неприятель против Юго-Западного фронта в течение зимы зароеется в землю, что сделает и в Румынии, занявши Бухарест, после чего обратится против армии Сарайля. Покончив с ней, перекинет все немецкие войска против наших фронтов к северу от Полесья или против французов.

На основании этих соображений Эверт полагал, что в 1917 г. наше наступление может быть произведено в районе Западного или Северного фронтов и к этим районам необходимо сосредоточить значительные силы, потребные не только для прорыва фронта, но и для немедленного широкого использования такого успеха.

Западный фронт представлял для этого два выгодных направления – Виленское и Слонимское. Первое угрожало тылу всего немецкого расположения в северо-

западном крае, давало нам возможность выдвинуться на линию Неман – Брест и приближало нас к государственной границе Германии. Слонимское направление представляло более трудные топографические условия и, кроме того, при развитии удара на Белосток – Гродна наши наступающие войска подвергались ударам с запада, для обеспечения от которых потребовалась бы особая затрата сил. Кроме того, крупные силы, собранные на этом направлении для главного удара, рисковали быть откинуты в болота Полесья в случае контрудара противника со стороны Вильна на Минск. Эверт полагал более выгодным в стратегическом отношении избрать для главного удара направление на Вильна [...]

В отношении потребных для удара и развития его сил Эверт приводил следующие данные.

На Виленском направлении при нанесении главного удара на фронте Кунава–Лостоянце (26 в.) требовалось 23 дивизии и, кроме того, для вспомогательных ударов в районе Мартышки – р. Вилия – 4 див.; в районе Вишнева с прилегающими пассивными участками – 5 дивизий и в районе Бакшты также с прилегающими пассивными участками до Немана – 2 див. Сверх этого на пассивном участке от оз. Нароч до Мартышки требовалось 2 див. и для развития ударов 8–10 див., а всего 44–46 дивизий. При таком расчете необходимо было подвести, кроме сосредоточенных за Западным фронтом резервов Верховного Главнокомандующего, с других фронтов еще 23–25 дивизий. Удар на Слонимском направлении вызывал позаимствование с других фронтов в размере 20 дивизий.

Тяжелой артиллерии требовалось 682 орудия, а снарядов для них 814 364 шт. Авиационных средств на каждый корпус по одному воздухоплавательному и авиационному отряду, на каждую армию по одному такому же дивизиону и в распоряжение фронта 5 воздухоплавательных отрядов, бомбометную и истребительную авиационные группы.

В отношении времени операции Эверт находил, что к февралю мы не можем даже сосредоточить потребных сил и нахо-

дил, что лучшее время года это половина апреля или май» [12, с. 20–22].

На совещании Эверт, при активной поддержке Н.В. Рузского, решительно выступил против плана кампании 1917 г., разработанного В.И. Гурко и А.С. Лукомским. Он считал чрезвычайно рискованным нанесение главного удара на Румынском фронте. Он покинул совещание, оговорив, что выскажет позже собственное мнение, что и сделал в записке от 21 декабря 1916 г. В ней он указал, «что для общего дела союзников необходимы совокупные решительные наступательные действия, но все равно, где именно эти удары будут наноситься, лишь бы они были решительны и наносились нашему главному врагу. Поэтому выбор направления для нанесения ударов должен согласоваться с действительными выгодами каждого из союзников. Наша главная задача состояла в том, чтобы нанести поражения не Болгарии, а немцам и выгнать их из русской земли... . Свою записку Эверт кончил уже нам известным его мнением наносить удар к северу от Полесья на одном направлении, но внушительными силами и средствами» [12, с. 29].

Планы, как известно, не было осуществлены из-за трагических событий февраля 1917-го, закончившихся свержением Императора Николая II и захватом власти «общественными силами». Участие самого Эверта в этих событиях было незначительным: он всегда был убежденным монархистом и верным «службой царю». В связи с этим политики, организовавшие февральский заговор и привлечшие к нему (прямо или косвенно) ряд высокопоставленных генералов, не стали даже предпринимать попытки прощупать позицию Эверта. Он сам, впрочем, не оказался на высоте положения. Присланное ему 2 марта 1917 г. из Ставки предложение генерала М.В. Алексева обратиться к Императору Николаю II с «верноподданнейшей просьбой» об отречении, застало Эверта врасплох. Крупный военный специалист и опытный генштабист Алексей Ермолаевич был политически наивным человеком, а рядом с ним не оказалось нужного человека, который мог бы поддержать его. Скорее даже вышло наоборот. Начальником штаба Эверта был на

тот момент М.Ф. Квещинский – успешно сделавший карьеру при «новой власти» и в ноябре 1917-го буквально сдавший своих офицеров большевикам, а пост генерал-квартирмейстера занимал П.П. Лебедев, также оказавшийся сторонником «демократизации армии».

Поначалу Эверт попытался уклониться и потянуть время. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский вспоминал: «Через несколько времени меня вызвал к прямому проводу главнокомандующий Западного фронта генерал Эверт и сказал, что он свое заключение даст лишь после того, как выскажутся генералы Рузский и Брусилов» [18, с. 47]. Узнав их ответы, Эверт отправил соответствующую телеграмму в Ставку. Ее текст был включен М.В. Алексеевым в его телеграмму Государю («Всеподданнейше представляю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ полученные мною на имя ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА телеграммы...» [7, л. 1]). Содержание телеграммы Эверта здесь было передано следующим образом:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Начальник Штаба ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров Генерал-Адъютанта Рузского с Председателем Государственной Думы. ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. На армию, в настоящем ее составе, рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного выхода, безгранично преданный ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ вернопод-

данный умоляет ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением Председателя Государственной Думы, выраженном им Генерал-Адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант Эверт» [7, л. 1 об].

К чести Эверта позже он, по воспоминаниям князя В.А. Друцкого-Соколинского, тяжело переживал свой поступок и повторял: «Я, как и другие главнокомандующие, предал Царя, и за это злодеяние все мы должны заплатить своей жизнью» [25, с. 50].

Для человека, не связанного с захватившими власть февралистами, а также для монархиста по убеждениям, места в «новой» армии для Эверта не было. Уже 11 марта 1917 г. Эверт был снят с поста, а 22 марта уволен от службы с мундиром и пенсией. Некоторое время Эверт жил в Саратове, где его встретил уже упоминавшийся действительный статский советник князь В.А. Друцкой-Соколинский, последний Минский губернатор. Он вспоминал: «А.Е. Эверт, человек изумительно цельный и определенный, не скрывая и не прячась, открыто обвинял себя в предательстве Государя... Он полагал, что главным вопросом момента было обеспечение возможности продолжить войну, и думал, что эта возможность сохраниться при удовлетворении требований взбунтовавшегося Петроградского гарнизона и возглавившей этот бунт Государственной Думы о смене личности царствующего Монарха» [8, с. 58].

О дальнейшей судьбе Эверта существуют разрозненные сведения и, как минимум, три версии – все не имеющие стопроцентного подтверждения. Можно лишь сказать, что он 28 марта 1918 г. был арестован ЧК, что послужило источником слухов о его расстреле в 1918 г. в Можайске (о чем упоминает В.А. Друцкой-Соколинский). По другой версии, в конце 1917 г. был убит в Смоленске солдатами в результате самосуда (об этом упоминает вскользь в своей книге С.В. Волков [5]), по третьей – арестован и убит конвоирами. Однако более

правдоподобной кажется версия о том, что он был спасен благодаря покровительству П.П. Лебедева, который в 1918 г. по личному приглашению В.И. Ленина вступил в РККА и занимал высокие посты, возглавляя в т. ч. Мобилизационное управление Всевоглавштаба и Полевой штаб РВСР¹⁴. Оставшийся не у дел генерал уехал на свою «малую родину», в Верею, где тихо прожил до самой своей смерти 10 мая 1926 г. Вроде бы добывал он себе средства на существование разведением пчел. Однако мои попытки разыскать в самой Верее какие-либо упоминания о последнем периоде жизни

Эверта мне не удалось. В опубликованной в 2014 г. книге В.А. Рунова [31] появилась еще одна версия гибели Эверта – дата 10 мая 1926 г. и место (Верея) сохранены, но он, якобы, покончил жизнь самоубийством. Причем описание событий дается чрезвычайно подробно и литературно. Однако указывать источник, откуда взята эта, ранее не доступная информация, автор не стал, в связи с чем приходится и об этом финале жизни генерала говорить как еще об одной недоказанной версии.

Статья поступила 05. 12. 2014 г.

¹⁴ Впервые эту версию озвучил мне в конце 1980-х гг. в личной беседе крупнейший отечественный исследователь корпуса офицеров Генштаба А.Г. Кавтарадзе.

Библиографический список

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне: 1914. Начало. М., 2014.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 29. М. : Советская энциклопедия, 1978.
3. Брусилов А.А. Воспоминания. М. : Воениздат, 1963.
4. Варшавско-Ивангородская операция: [Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.)]. М. : Госвоениздат, 1938.
5. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1993.
6. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: Галицийская битва: 1-й период до 1 сентября нового стиля. Париж, [1930].
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2102.
8. Друцкой-Соколинский В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел : РКФ «3 июля» : Невероятный мир, 1994.
9. Евсеев Н.Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.): военные действия на Восточном фронте мировой войны в сентябре – октябре 1915 г. М. : Госвоениздат, 1936.
10. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.
11. Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. М. : Высший военный редакционный совет, 1923.
12. Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. М. : Высший военный редакционный совет, 1923.
13. Залесский К.А. Высший командный состав русской армии накануне Первой мировой войны // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сборник докладов и статей. М. : РИСИ, 2014.
14. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М. : Воениздат, 1986.
15. История первой мировой войны 1914–1918 гг. М. : Наука, 1975.
16. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб. : Полигон, 2002.
17. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М. : ГВИЗ, 1935.
18. Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М. : Книга, 1991.
19. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции юго-западного фронта в мае – июне 1916 года. М. : Высший воен. редсовет, 1924.
20. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сб. документов. М. : Воениздат, 1940.

21. Новиков П.А. Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX в. : дис. ...д-ра. ист. наук. Иркутск, 2009.
22. Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
23. Новиков П.А. Военные округа Азиатской России в 1906–1914 гг.: проекты и реальность развития, их роль в мировой войне // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сборник докладов и статей. М. : РИСИ, 2014.
24. Оберюхтин В.И. Барановичи. 1916 г. Военно-исторический очерк. М., 1935.
25. Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5.
26. Оськин М.В. Сражение под Барановичами. Июнь 1916 г. // Гісторыя Магілёва. Мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 26–27 чэрвеня 2013 г. Магілёў, 2013.
27. Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М. : Госвоениздат, 1938.
28. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М. : Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 25. Письмо А.Е. Эверта – М.В. Алексееву от 10 ноября 1916 г.
30. РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 1.
31. Рунов В.А. Полководцы Первой Мировой. Русская армия в лицах. М. : Эксмо, 2014.
32. Русский провинциальный некрополь / Сост. В.В. Шереметевский. Т. 1. М. : Типо-литография Товарищества Кушнерев и Ко, 1914.
33. Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.
34. Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М. : Воениздат, 1974.
35. Фельдмаршал Кутузов : сборник документов и материалов. М. : Госполитиздат, 1947.
36. Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 11.
37. Шварц А.В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. : из воспоминаний коменданта крепости Ивангорода А.В. Шварца. М., 1922.

Сведения об авторе

Залесский Константин Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора анализа и оценок, Российский институт стратегических исследований, 125413, Россия, Москва, Флотская улица, 15 Б, тел.: +74954549011; +79099970948, e-mail: ka_zet@mail.ru
Zallesky Konstantin Aleksandrovich, PhD, scientific stuff of the Department of analysis and estimations, Russian Institute of Strategic Researches, 125413, Russia, Moscow, Flotskaya ul., 15B, tel.: +74954549011; +79099970948, e-mail: ka_zet@mail.ru